

А. И. Кузнецова
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

ЯВЛЕНИЕ ЭНАНТИОСЕМИИ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ (на примере коми, ненецкого, селькупского языков)

Давно начавшееся и продолжающееся в настоящее время типологическое исследование языков прежде всего в области грамматики (а в последнее время и в области семантики) привело к необходимости обратиться к сравнению не только основных явлений в области грамматики и семантики разных языков, но и к поискам и сравнению раритетов (как остаточных, так порою и зачаточных), существующих в каждом языке. К числу раритетов, о которых пойдет речь (на материале в основном коми языка, а также ненецкого и, в меньшей мере, селькупского), относятся явления так называемой энантиосемии, встречающейся и в русском языке.

Термин *энантиосемия* (из греч. ἐν-αντίος ‘противоположный, обратный’+σῆμα ‘знак, значение’, т. е. ‘противоположный по смыслу, обратный чему-либо’) встречается в языковедческих работах уже в конце XIX в. для обозначения слов, которые, вступая в сочетание со словами определенной семантики (еще предстоит установить, какой именно), означают нечто прямо противоположное (например: что-то и малое, и большое; высокое и низкое; мелкое и глубокое, хорошее и плохое). По сути дела, речь идет об **антонимических значениях**, обнаруживаемых обычно в именах и глаголах **в пределах одного и того же слова**. В отличие от того, что принято называть антонимами, в случае наличия энантиосемии лингвист сталкивается с иной ситуацией: слово соответствует одному понятию, наблюдается в одной части речи, но имеет прямо противоположные значения, опознаваемые в разных языках по разным грамматическим признакам, о которых будет сказано в дальнейшем.

Примеры энантиосемии можно встретить в уральских языках, как, впрочем, и в ряде других, например, в кинья-руанда, суахили, в славянских языках, включая и русский. В 1960-е гг. на это явление обратил внимание Н. И. Толстой, писавший: «Так называемая поляризация (энантиосемия) для многих традиционных лексикологов казалась довольно загадочным явлением». По мнению автора, занимавшегося славянскими языками, «энантиосемия в чистом виде (типа русск. *погода*: ‘хорошая погода’, ‘плохая погода’) никогда не может встретиться в одном говоре, в одной семантической системе, так как в случае появ-

ления двух энантиосемичных лексем (как результат заимствования, скрещения и т. д.) произошла бы нейтрализация» [Толстой 1963: 44, № 1, сноска 22]. Однако, как будет показано дальше на примере коми языка, энантиосемия возможна в пределах и одного говора.

При поисках случаев энантиосемии многое зависит, во-первых, от того, учитывать ли только синхронное состояние языка или обращаться и к диахронии. Иначе говоря, желательно выяснять, произошло ли уже полное забвение древнего значения слова или оно еще существует в языке, но как устаревшее. В качестве примера можно привести полузабытое в русском языке значение прилагательного *пресловутый* 'известный, знаменитый, славный' и сравнить его с современным прямо противоположным по смыслу словом со значением 'имеющий отрицательную, сомнительную известность, славу'. Точно так же оборот '*так называемый*' в современном языке несет на себе часто (при сочетании с определенными существительными) пейоративную окраску (например, в сочетании '*так называемый(ая) успех/слава*'), в то время, как раньше ее не существовало. Например: *устаревшее слово – так называемый архаизм*. Или (см. выше цитату из статьи Н. И. Толстого): *так называемая поляризация (энантиосемия)*...

Энантиосемичным может оказаться, во-вторых, одно и то же слово в разных диалектах: например, в ижемском, верхне- и нижневычегодском и шести других диалектах коми языка слово *вõй* означает 'пугливый, боязливый' (*вõй ыж кодъ* 'пугливый как овца'), а в нижневычегодском то же самое слово *вõй* имеет еще и прямо противоположное значение 'бойкий, непослушный, смелый' [ССКЗД 1961]. Иными словами, прилагательное *вõй* с его антонимичными значениями в говорах нижневычегодского диалекта можно назвать энантиосемичным. По мнению Н. И. Толстого (о чем говорилось выше) в случае появления двух энантиосемичных лексем, например, в результате заимствования из другого говора или диалекта, должна была бы произойти их нейтрализация, но этого не случилось. Почему в одних диалектах наблюдается данное явление, а в других отсутствует, остается загадкой.

Не исключено, в-третьих, что наличие или отсутствие энантиосемии оказывается связанным с толкованием значений подобных слов в одном и том же диалекте и требует более аккуратной их трактовки. Это положение является наиболее существенным не только для коми языка, но и для ряда других языков (ненецкого, селькупского), о которых пойдет речь в дальнейшем.

1. Энантioseмия в коми языке

Ярким примером проявления энантioseмии в коми языке (по материалам говора села Мужы ижемского диалекта) может служить слово *джуджыд*, которое обычно переводится в словарях как '1) высокий и 2) глубокий' [Коми-русский словарь 1961; ССКЗД 1961]. Точно так же определяются в названных словарях и значения наречия *джуджыда*, т. е. 'высоко и глубоко'; и существительного *джужда* 'высота; глубина' [Сахарова, Сельков 1976]. Те же значения всех этих слов называют сами жители с. Мужы. Более адекватное определение значения слову *джуджыд* дано в словаре [Лыткин, Гуляев 1999] – 'расстояние по вертикали (высокий, глубокий)', которое следовало бы уточнить и дать как 'и высокий, и низкий, и глубокий, и мелкий' (это должно становиться понятным из контекста). Примеры такого рода встречаются среди разных частей речи и в других финно-угорских и самодийских языках.

Как видно и по уже приведенным примерам, слова разных именных частей речи в коми языке могут иметь антонимические значения в пределах одного слова; именно это явление получило наименование энантioseмии (термин использовал В. И. Шерцль в 1884 г.). Однако трудно сказать, каким грамматическим правилам должны подчиняться слова с антонимическими значениями. По каким признакам можно установить антонимические значения в пределах одного многозначного слова? Какие существуют способы распознавания таких значений слов? Среди каких частей речи чаще встречается энантioseмия, среди каких – реже?

Чтобы ответить на эти вопросы, можно сравнить простые фразы или сочетания слов в русском языке и их соответствия в коми-зырянском:

(1) 'Стол надо подвинуть (куда – неизвестно). Шкаф нужно передвинуть в другое место.' – *Пызансэ колэ вештыны. Шкапсэ колэ вештыны мэд местээ.*

(2) 'Кровать **придвинь к** стене, а стул **отодвинь от** окна!' – *Крэватсэ стен **бердас** вешты, а пукалантор вешты экэньча **дорсыс!***

По приведенным предложениям и их переводам на коми язык видно, что если отсутствует конкретное указание, куда именно двигать мебель, то существительное стоит в *Nom* (пример 1). Если в русском

языке направление передвижения мебели конкретизирует глагольная приставка и падеж существительного, то в коми языке эту функцию выполняет в приведенном примере послеложная конструкция: *стен бердас* ‘к стене’, *экэньча дорсьыс* – ‘от окна’ (пример 2). Помимо послелогов смысловыми различителями фраз в коми языке являются флексии имен, а в русском, как уже упоминалось, – приставочные глаголы, предлоги и падежи. (При этом глаголы бесприставочные оказываются энантиосемичными, т. е. функционирующими как антонимы: *лить=влисть* и *вылить*, *бежать=прибежать* и *убежать*). Иногда, если такого противопоставления слов нет, в коми языке используется самостоятельный другой глагол (например, ‘весной вода **залила** луга’ – *тулысын ва ойдадiс видзьяс*), не являющийся антонимом встречающихся в русском языке приставочных глаголов. Определить, есть ли прямая взаимосвязь между глаголом и значением сочетающегося с ним имени, сказать пока трудно, как трудно и утверждать обратное. Известно лишь, что в других диалектах коми языка могут использоваться иные глаголы в том же значении.

Подобная ситуация наблюдается для целого ряда коми глаголов, относящихся к самым различным лексико-семантическим полям. При этом необходимо также обращать внимание на падежные формы существительных. Возьмем, например, глагол *коддины* ‘копать, закопать, выкопать...’: *Нидююяссэ кодди!* – ‘Червей **выкопай** (накопай)!’ Но: *Чери кишкакьяссэ муас кодди!* – ‘Рыбы кишки в землю **закопай!**’ Глагол *чеччыны* (*чеччооны*) может значить и ‘впрыгнуть, вспрыгнуть’, и ‘выпрыгнуть, спрыгнуть’: *Чеччи пыжсiсь* – ‘**выпрыгни из лодки**’ или *чеччи пыжас!* – ‘(в)прыгни в лодку!’. Аналогичные примеры: *вуч юрысь чеччооны* – ‘прыгнул (спрыгнул) с травянистой **кочки**’, а *вуч юрэ чеччооны* – ‘прыгнул (запрыгнул) на травянистую **кочку**’.

Примером энантиосемии может служить глагол *калькедны*, означающий и ‘склеить что-либо вместе’, и ‘расклеить, отклеить’: *Кык чериис этлаэ кынмемась, калькедны колэ* – ‘Две рыбы вместе слиплись, **разъединить** надо’. *Пыдэсис калькалэма. Калькедны колэ* – ‘Подшва отклеилась. **Приклеить** надо’ и др. В отличие от предыдущих примеров в двух последних предложениях понять смысл глаголов можно, лишь учитывая ситуации. Здравый смысл подскажет, что вряд ли отклеившееся надо еще раз отклеить, а уже приклеившееся расклеить и заново склеить.

Следует отметить также, что при русских заимствованиях, не освоенных еще коми языком, заимствуемые существительные часто сохраняют форму именительного падежа, нередко затрудняя перевод. Например: *чай кисьтыны* – **налить чай** (или **вылить?**); ср.: *Кисьтэй мэ-*

нум сук чай – ‘Налейте мне крепкого (густого) чаю/чая’; но: *Ме муна лымьяс коддины яма* – ‘Я иду снег копать в яме’ или ‘Я иду выкопать снег из ямы’?

Нередко не только для глаголов, антонимические значения которых передаются часто существительными в разных падежах, но и для имен характерна энантиосемия, как в следующих предложениях со словом *креж* ‘кряж’ (под кряжем понимается холмистый берег, гряда холмов с возможными крутыми, обрывистыми и пологими склонами, со спусками и подъемами): *Этиа крежыс дженьыд* – ‘Этот спуск/подъем короткий’. *Крежыс абу зэй крутэй*. – ‘Спуск/подъем не очень крутой’. Когда человек (житель села Мужы, испытывающий трудности при ходьбе) говорит: *Тян крежыс джуджыд, ог вермы ти дораныд мунны* – ‘У вас кряж большой, не могу к вам идти’, – то имеется в виду, что по улице, которая круто поднимается вверх, ей придется с трудом идти не только вверх, но и вниз, возвращаясь домой. В этих случаях для уточнения того, куда идет человек (вверх или вниз), вместо падежных форм имени в коми языке используются послелоги, как в следующем примере: *Креж вылас мортыс каэ ступень кузяыс* – ‘На кряж человек идет по ступенькам’.

Таким образом, в коми языке достаточно часто встречаются случаи и глагольной, и именной энантиосемии, особенно глагольной. «Опознавательным знаком» служат для глаголов падежные окончания существительных и/или наличие послелогов. Однако нередко перевод на русский язык может вызвать затруднение (например, при наличии несклоняемых заимствований из русского языка, как в примерах с существительными *чай* и *яма*). В таких случаях необходимо понимание общей ситуации, отраженной в тексте (см. приведенные выше примеры с глаголом *калькедны*).

Наиболее существенным при переводе оказывается нахождение обобщающего слова или словосочетания (что важно как для существительных, так и для глаголов). Столь же значимым является точность, однозначность толкования описываемых ситуаций, требующая учета грамматических особенностей агглютинативных языков (к числу которых относится коми) по сравнению с флективными (каковым является русский язык).

2. Энантиосемия в ненецком языке

В отличие от коми языка в ненецком языке явление энантиосемии (не называя, впрочем, его таковым) отмечала в свое время Н. М. Терещенко [Терещенко 1959: 43], писавшая: «Иногда одним и

тем же словом выражаются не только различные, но и противоположные значения; например, в ямальском говоре слово *ибцяда* имеет следующие значения: 1) горький; 2) чересчур соленый; 3) кислый (на вкус); 4) сладкий». Среди приведенных значений последнее значение в той или иной степени можно считать антонимом трех первых. Но что в таком случае объединяет три первые значения? В «Русско-ненецком словаре» (под общ. ред. И. И. Мещанинова), содержащем около 15 тыс. слов, составленном в 1948 г. А. П. Пырерка и Н. М. Терещенко, приводится перевод, обобщающий все перечисленные выше лексико-семантические варианты, – *ниня ибцяда* ‘пресный’ (лишенный определенного вкуса – о воде). Однако в «Ненецко-русском словаре» на 22 тыс. слов [Терещенко 1965] автор, снова повторяя перевод, данный ею в 1959 г., добавляет к значению ‘сладкий’ помету ‘*вост.*’, и только именно это антонимическое значение слова *ибцяда* встречается в другом (что характерно для энантиосемии), восточном, диалекте. Ср. аналогичную ситуацию в коми языке со словом *вöй* ‘боязливый’ и ‘смелый’, приведенным выше.

Подобно тому, как в коми языке случаи энантиосемии встречались далеко не во всех диалектах и даже говорах, в ненецком Н. М. Терещенко также приводит примеры с энантиосемией, встречающиеся в разных говорах, например: *тохолкода* – ‘учитель (*б.-з.* и *зап.*) и ученик’ (*вост.*). В целом слово *тохолкода* – это тот человек, кто занимается учением: учитель и ученик. В других диалектах *тохоламбáда* означает только ‘обучающий’ и т. д. В общей сложности в словаре [Терещенко 1965] приводится более дюжины слов с этим корнем. Задолго до работ Н. М. Терещенко Г. Н. Прокофьев в статье «Ненецкий (юрако-самоедский) язык» [Прокофьев 1937а: 12] приводил «в качестве примеров вновь созданных в ненецком литературном языке» слова *toholkoda* ‘учитель’ (‘учащий’) и *tohodana* ‘ученик’ (‘учащийся’), а также слово *toholkobçñ* ‘учебник (то, с помощью чего учатся)’. В вышедшем спустя почти 40 лет словаре Н. М. Терещенко встречается слово *тоходáнна* ‘1. учащийся, 2. ученик’ и уже упомянутые *тохолкода* и *тохолкобц’(н)*. Судя по всему, предложенные Г. Н. Прокофьевым новые слова прижились за 30 лет в ненецком языке и заметно увеличились в количестве.

Одновременно Н. М. Терещенко называет и другие примеры энантиосемии. Все приведенные ранее и подобные им случаи подтверждают мнение Н. М. Терещенко о том, что «в разных языках обозначение одних и тех же предметов или явлений может производиться на основе различных признаков, принятых в качестве основных, наиболее типичных» [Терещенко 1959: 42]. Отсюда вытекает необходимость более

адекватно формулировать основополагающий признак предмета или действия. Например, для глагола *мядондй(сь)* это будет 'заниматься чумом (ставить или разбирать его)'. Глагол *мярырць* означает 'порывисто махать в вертикальном направлении' (например, о движении хорея); разлетаться в разные стороны (например, о комьях земли из-под копыт). Энантисемичным будет и слово *мал*, обозначающее крайние точки (конец и начало) чего-либо (отсюда географическое название Ямал, букв. 'конечная точка земли, конец земли'), а в сочетании со словом *нюртей* 'первый, первая точка' (*нюртей мал*) 'начало'.

Слово *хой*, означающее 'гора, хребет, холм', а в другом (*вост.*) диалекте 'тундра, равнина', является синкретичным. Оно одновременно функционирует не только как существительное, но и как прилагательное: 'горный' и 'тундровый'. Вместе с тем, прилагательное *хойхы*, имеющее также, судя по словарю 1965 г. Н. М. Терещенко, значение и 'горный', и 'тундровый', является энантисемичным в пределах одного диалекта (в отличие от прилагательного *хой*, которое в значении 'тундра' чаще встречается только в восточном диалекте).

К сожалению, Н. М. Терещенко не задается вопросом, в каких ситуациях энантисемия возникает чаще и чем она может быть вызвана; в каких частях речи она встречается реже и чем это может быть объяснено. В свое время данным вопросом занимался на материале славянских языков Н. И. Толстой [Толстой 1963], о чем уже шла речь в начале статьи. По его наблюдениям энантисемия возможна лишь в разных диалектах, но не встречается в одном и том же говоре (прилагательное *хойхы* опровергает это утверждение). Материалы, собранные в полевых условиях в с. Мужы ижемского диалекта, также заставляют пересмотреть эту точку зрения. Не исключено, что за истекшие полвека в связи с увеличивающейся подвижностью населения энантисемия получила большее распространение.

Ситуация, при которой требуется найти новые признаки того или иного языкового явления (в данном случае энантисемии), наблюдается при определении значений слов и в других языках.

3. Энантисемия в селькупском языке

Явление энантисемии в селькупском языке в меньшей мере обращает на себя внимание и, в отличие от ненецкого языка, в специальной литературе обойдено молчанием. Между тем, энантисемия изредка встречается и в селькупском языке, по крайней мере, в северных диалектах.

В качестве примера можно привести глагол с суффиксом *-š-*, выражающий какое-либо часто повторяемое действие (таковы, например, глаголы разного вида промыслов, приводимые Г. Н. Прокофьевым [Прокофьев 1937б: 112]): *tatyšqo* ‘приносить, уносить, таскать (взад – вперед)’. Глаголы такого типа (с суффиксом *-š-*) относятся к группе так называемых характеристизационных совершаемостей [Очерки 1980: 232–233], сближаясь с глаголами фреквентативной совершаемости, к которой можно отнести глагол *lōqyšqo* ‘кувыркаться’. Подобные глаголы передают движения по вертикали или горизонтали, производимые в противоположных направлениях. В дополнение к уже названному, можно привести глагол *sačylympyqo* ‘бегать взад-вперед; ходить туда-сюда’ и даже ‘болтаться, неплотно сидеть (например, о топоре на топорище)’. В отличие от примеров, приведенных выше и передающих в одном глаголе разнонаправленность движения, подразумевающую непрерывность его (т. е. некоторое время кувыркаться, бегать или таскать что-то взад-вперед, не останавливаясь и т. д.), глагол *ūtūqo* функционирует как обычный энантиосемичный глагол, означающий то ‘пустить кого-то куда-то’, то ‘выпустить откуда-то’: *Qata tat kananjly ašša satta, mōtū mašip ūtenta*. – ‘Если твоя собака не кусается, в дом меня **в**пустит’. Иногда энантиосемичное значение становится понятным лишь из большого контекста, как в следующей фразе: *Ašša, mat tarym ašša ūtentap*. – ‘Нет, я его не **вы**пущу’. Глагол *pārqlqo* ‘воткнуть, втолкнуть, проткнуть’ может иметь и прямо противоположные значения: ‘вытолкнуть’, а также при использовании преверба *ällä* еще и ‘оттолкнуть’ (*ällä pārqlqo*), а с наречием *ponä* ‘наружу вытолкнуть’ (*ponä pārqlqo*). В такой ситуации можно говорить об энантиосемии: *qorqyp paqysä pārqlqo* – ‘медведя ножом проткнул’ (т. е. в медведя нож воткнул) и *ponä pārqlqo* – ‘наружу вытолкать’. Ср.: *Qamtyqo* ‘лить’ (‘вылить’ и ‘влисть’).

Проявление энантиосемии в селькупском языке, как видно по приведенным примерам, отличается от аналогичного явления в коми и ненецком языках. Не случайно оно было ошибочно отнесено мною 30 лет назад к случаям антонимии [Очерки 1980: 27]. Вместе с тем, малое количество примеров мешает более подробно остановиться на данном явлении.

Таким образом, в обследованных уральских языках в большей или меньшей степени присутствует явление энантиосемии, имеющее различные типы оформления энантиосемичных предложений. Когда в свое время Франц Боас (1911 г.) обратил внимание на то, что во многих языках нет холофразиса совсем [Боас 1960: 116], не исключено,

что он не смог подобрать нужного определения-обобщения, что и сейчас далеко не всегда удастся сделать.

Список использованной литературы

Боас Ф. Введение к «Руководству по языкам американских индейцев» // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1960. С. 114–124.

Коми-русский словарь / Под ред. В. И. Лыткина. М.: ГИИНС, 1961.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1999.

Очерки – Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. I. М.: Изд-во МГУ, 1980.

Прокофьев Г. Н. Ненецкий (юрако-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. М.–Л., 1937а. С. 5–52.

Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. М.–Л., 1937б. С. 91–124.

Пырерка А. П., Терещенко Н. М. Русско-ненецкий словарь. М.: ОГИЗ, 1948.

Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1976.

ССКЗД – Сорвачева В. А. (ред.) Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1961.

Терещенко Н. М. В помощь самостоятельно изучающим ненецкий язык (Опыт сопоставительной грамматики ненецкого и русского языков). Л.: Учпедгиз, 1959.

Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1965.

Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного запаса // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 29–45.

Шерцль В. И. О словах с противоположным значением (или о так называемой энантиосемии) // Филологические записки. Воронеж, 1884.

Р. И. Лаптандер
Ямало-Ненецкий окружной Институт
повышения квалификации
работников образования,
Салехард

ОЛЕНЕВОДЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В НЕНЕЦКОМ ЯЗЫКЕ И НЕНЕЦКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОСЕДНИХ С НИМ ЯЗЫКАХ

Под понятием *оленоводческая терминология* понимается лексико-семантическая группа слов, связанная с традиционным оленеводческим хозяйством.

Понятие *термин* имеет много разных определений, раскроем лишь некоторые из них. Первое определяет *термин* как слово или сочетание, название определённого понятия какой-нибудь специальной области [ТСРЯ 2008: 979]. Следующее определение рассматривает понятие *термин* в двух значениях: 1) слово или словосочетание, обозначающее строго определённое понятие какой-либо области знания или деятельности; 2) слово или выражение, принятое для обозначения чего-либо, в какой-то профессиональной среде [Ефремова 2006: 505].

Поскольку слова, связанные с оленеводческим хозяйством, используются в узкой сфере употребления, следовательно, они являются профессиональными терминами, входящими в словарный состав ненецкого языка. Данные слова или словоформы, отличаются от общеупотребительных слов по следующим признакам: 1) являются языковыми единицами особой функциональной значимости; 2) называют специальный объект или предмет; 3) являются определением специального понятия, т. е. различают одно понятие от другого.

Под значением *терминология* понимается совокупность каких-либо терминов. Из этого следует, что *терминологическая система* – это система знаков, содержание и связи которой замкнуты в рамках одной отрасли деятельности.

Таким образом, термины создаются для наименования узких понятий, связанных с профессиональной деятельностью. Источниками образования терминов могут быть как готовые лексические средства родного языка, так и соседних языков.

Рассмотрим некоторые примеры наиболее распространённых и употребляемых в ненецком языке оленеводческих терминов. Следует отметить, что данная группа слов чаще всего употребляется оленеводами-ненцами при непосредственной работе с оленями в стаде или в

тундре. В других условиях, отличных от тундровой жизни, данные слова используются носителями ненецкого языка весьма редко, они находятся в пассивном словарном запасе.

1. Оленеводческие термины в ненецком языке

Общее название для оленя в ненецком языке *ты*. Исходя из этого, дифференцируют оленей по различным признакам.

1.1. Термины, характеризующие оленей по половым различиям

1. Большая часть названий оленей связана с их репродуктивными качествами. Это является одним из необходимых условий успешного ведения оленеводческого хозяйства и увеличения его поголовья. В зависимости от этого, каждый оленевод отбирает определённое количество оленей-самцов в стаде. Различают оленя *хора* ‘олень-самец’ и *менаруй* ‘красивый и сильный олень в стаде, олень-вожак’. В словаре Н. М. Терещенко даётся следующий перевод этого слова «крупный, красивый, кастрированный недрессированный олень; в хорошем стаде несколько менаруев разной масти, которые являются вожаками стада» [Терещенко 2003: 247]. В отличие от них, холощенные олени занимают особое место в стаде. Следует отметить, что холощение оленей ведётся в зависимости от их возраста, размера тела и выносливости. Чаще всего, под словом *хабт* понимают ‘четырёхлетнего кастрированного оленя’. Холощенные олени легко поддаются дрессировке, они отличаются большой выносливостью, упитанностью и ценятся в хозяйстве, поскольку на них можно перевозить тяжёлые грузы во время трудоёмких перекочёвок.

2. *Яхадей* – общее название для важенки. В некоторых случаях, этим термином маркируется покрытая важенка. В отличие неё, *сырэй* ‘двухгодовалая важенка, нетель’ считается важенкой, которая ещё не имела приплод. Другое название для важенки, не имеющей приплод – *ваңды* ‘яловая важенка’. Она отличается от *хабтарка* ‘бесплодной важенки’. *Хабтарки* чаще всего являются ездовыми оленями для поездок на дальние расстояния или на охоту. Они, в отличие от *хабт*, быстрее и легче в беге, отличаются лучшей выносливостью. Данная лексема образована от основы *хабт* с присоединением словообразовательного суффикса уподобления *-рка*, ‘важенка, подобная кастрированному оленю, бесплодная’.

Кроме вышеуказанных свойств, качества важенки характеризуются терминами, образованными составными, устойчивыми словосочета-